

Элеонора

Я запаниковала, так как никто не входил в мой особняк, кроме меня, Марии и Рены.

Почему что-то подобное должно быть в моей комнате?

Кто мог положить его туда? Значит, рыцарь лжет.

— Императрица Элеонора Валентино, настоящим я помещаю вас под арест за убийство нерожденного наследника престола и за вред, причиненный нашей императрице Дженнифер.

Вы будете немедленно задержаны до суда через несколько недель.

— Что? Она потеряла ребенка? — спросила я в ужасе, мое тело словно парализовало. Конечно, они все думают, что я имею к этому какое-то отношение.

Почему кто-то должен верить императрице, которая публично устроила скандал по поводу этой беременности?

— Отведите ее в камеру, — сказал Брейден, на его лице наконец-то появилось отвращение, которое, как я знала, он пытался скрыть все это время.

Они начали выталкивать меня за дверь, но я пинаясь и сопротивлялась.

Ради бога, я была командиром рыцарей! Как могут эти простые рыцари удержать меня.

— Вы безумцы! Вы все безумцы! — закричал я.

— Где его величество?! Позвольте мне увидеть его величество и прояснить все это! Я ваша императрица! Я требую, чтобы вы немедленно отвели меня к императору!

— В этом нет необходимости, — глубокий прохладный голос раздался позади меня в коридоре.

Я попыталась оглянуться, чтобы увидеть знакомые красные глаза, которых я так боялась.

Ненависти в них было больше, чем я когда-либо видела раньше. Страх охватил меня, мои ноги почти подкосились от одного только вида его гнева.

Казалось, он готов свернуть мне шею голыми руками.

— Ваше Величество..., — закричала я. — Я не делала этого, клянусь, я не убивала вашего ребенка. Я даже не хотела больше находиться здесь. Я сдалась. Вы можете получить императрицу, которую вы хотели.

— Значит, ты признаешь, что пыталась сбежать, — прошипел Катеин. — Твои мотивы яснее дня. Но не волнуйся, твое желание исполнится.

Меня окружили представители императорской семьи с первосвященником, и у меня по позвоночнику пробежал холодок.

Я догадывалась, что они хотят сделать.

Даже желание сбежать подлежало наказанию, если отбросить ложные обвинения против меня в выкидыше Джены.

— Я, Катеин де Валериан Валентино, император империи Валентино, с согласия большинства присутствующих дворян, развожусь с тобой и забираю свое имя. Ты больше не моя жена и императрица этой империи, Элеонора.

Я посмотрела на Катеина. Он стоял с непроницаемым лицом, пока говорил, как будто ничего не произошло.

Значит, это была правда. Он никогда не любил меня. Ни капельки. Он просто смотрел на меня кроваво-красными глазами, как будто я никогда не была для него кем-то особенным.

— Я... Элеонора Далтон, согласна на ваш развод.

Я пробормотала, так как у меня не было другого выбора. У меня есть собственная гордость. Я не буду умолять мужчину оставить меня.

Затем я увидела, как вздохнул первосвященник и скорбным тоном объявил.

— Подпишите бумаги, и вы будете официально разведены.

Он подписал бумаги, не сомневаясь ни секунды, и я тоже подписала их дрожащими руками.

Нет необходимости оставаться с человеком, который не любит и не уважает меня.

А потом Катеин повернулся ко мне спиной и начал уходить.

— Отведите ее в камеру, — приказал он через плечо, даже не потрудившись оглянуться, чтобы

проверить, выполнен ли его приказ.

Брейден тут же схватил меня и начал тащить к лестнице. Я не сопротивлялась, в этом уже не было смысла.

Я просто позволил ему привести меня в тюрьму, где мне предстояло провести следующие дни до суда.

Камеры были холодными, сырыми и мрачными, с минимальными удобствами.

Мне были предоставлены только кровать, туалет и тазик, единственное одеяло, чтобы попытаться согреться.

Места было мало. С трех сторон меня окружали стены, а с другой стороны решетка преграждала путь на свободу.

Прошло семь дней, и вот сегодня, наконец, мне предстояло предстать перед судом империи за предполагаемое убийство.

Я знала, что улики были собраны против меня, и выиграть дело было почти невозможно.

Единственная надежда, которая у меня оставалась, это то, что Рена и Мария все еще живы.

Если бы они могли дать показания, что были непосредственными свидетелями того, что я всю неделю находилась в своих покоях, что делало невозможным отравление Джены, тогда они были бы вынуждены признать, что я не преступница.

— Пора идти... — сказал охранник.

Я узнала его. Его звали Чарльз, и я неоднократно навещала его семью, так как мы были очень близки.

Он был рыцарем, который сражался вместе со мной в битвах.

Я встала, пошатываясь, так как не ела нормально всю неделю от стресса, и пошла на выход.

К счастью, ребенок в моей утробе был еще жив и крепок. Я все еще чувствовала его, когда прикасалась к своему животу.

Мне дали лекарства, чтобы залечить синяки, но я не хотела. Эта боль напоминала мне о моей глупости.

— Рена и Мария будут на суде? — спросил я, когда он вытолкнул меня из камеры.

Он не ответил, предпочитая хранить полное молчание, продолжая вести меня к двери.

Я не могла понять, было ли ему приказано не разговаривать со мной, или он просто искренне ненавидел меня.

Мы проходили мимо нескольких камер, и мои глаза осматривали каждую из них через решетку, отчаянно ища Рену и Марию.

Особенно Рену. Мне нужно было, чтобы она была там. Мне нужно было, чтобы она доказала мою невиновность.

Однако, как только мы миновали десятую камеру, мой взгляд наткнулся на мужчину со знакомыми серебристыми волосами.

Чарльз остановился на своем пути и, наконец, посмотрел на меня.

— Командор... Это последняя и единственная услуга, которую я могу оказать вам.

Я смотрела на него недоуменными глазами, не в силах поверить своим глазам.

— Командор... Мы доверяем вам. Но мы беспомощны против императора и знати. Пожалуйста, не испытывайте к нам ненависти. Вы единственная императрица и командир для нас.

Слезы катились из моих глаз, и я открыла дрожащие губы, чтобы поблагодарить его.

Но из моего горла не вырвалось ни слова. Он подтолкнул меня к камере отца, и я заплакала, увидев его в плачевном состоянии.

— О... отец!!! — закричала я и побежала к его камере.